

Т.В. Смирнова

Из истории Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника: 1946–1964 гг.

Уже в конце Великой Отечественной войны музей постарался создать ряд выставок. Так, в 1947 г. для посетителей были открыты Троицкий собор, экспозиции «Монастырь-крепость в XVI–XVII вв.», «Искусство XVIII в.» и народно-художественного творчества. В связи с 800-летием Москвы был организован частичный показ стен и башен монастыря и сделана небольшая выставка, отражающая роль монастыря как средневековой крепости – представлены панорамы, карты, копии миниатюр, литографии, портреты деятелей начала XVII в. русское и польское оружие. Выставка располагалась в верхнем ярусе Луковой башни. Экспозиция «Искусство XVIII в.» находилась в Митрополичьих покоях и занимала восемь комнат. Были представлены живописные портреты, гравюры, акварели, мебель, зеркала, посуда и другие произведения прикладного искусства работы русских и иностранных мастеров. Экспозиция отдела народного художественного творчества (НХТ) занимала семь залов в служебном корпусе, во втором этаже. В четырех залах посетители могли увидеть предметы крестьянского искусства и промыслов дореволюционного периода: образцы архитектурной резьбы, посуду, прялки, дуги и другие вещи, украшенные росписью и резьбой, образцы русской вышивки и ткачества, а также вышивки марийцев, удмуртов, чувашей и мордвы, крестьянские женские костюмы, ручную набойку, кружево, роспись по папье-маше, фарфору и жести, местную игрушку. В трех залах были показаны вещи советского периода: резьба по кости и бересте, деревянные и глиняные игрушки различных местностей, жостовские подносы, изделия Палеха, Холуя, Мстеры, хохломская и городецкая роспись, а также вышивка, кружево и ковры¹.

Но во второй половине 1940-х–начале 1950-х годов работа музея проходила в исключительно сложной обстановке. Прежде всего, в начале этого периода очень затруднила его жизнь растянувшаяся на несколько лет бесплановая передача зданий музея Патриархии. Только что, к примеру, музей требовал от архимандрита Иоанна очистить проход к расположенной в Луковой башне новой выставке «Монастырь-крепость XVI–XVII вв.», как неожиданно эту башню отдали Патриархии². По указанию Комитета по делам искусств потратили средства на ремонт крыши и фасада царских Чертогов, а в них расположили Московскую духовную академию³. В марте 1947 г. Комитет распорядился устроить в Митрополичьих покоях выставку по архитектурной реставрации к 800-летию Москвы, а в декабре это помещение вдруг вернули Патриархии. Выставку и экспозицию искусства XVIII в. пришлось свернуть⁴.

В самом музее в первые послевоенные годы обстановка была очень нездоровой. Директор И.И. Белкин не сработался с заместителем по научной части Ю.А. Лебедевой, обвинял ее в развале работы. Директора поддерживала заведующая отделом НХТ З.С. Супищикова. Она обвиняла также в профессиональной непригодности хранителя фондов отдела НХТ Н.М. Прасолову⁵. В 1948 г. Лебедеву освободили от работы в Музее, сменили и директора. Вскоре ушла Супищикова. Музей потерял в это время еще нескольких сотрудников: П.И. Нерадовского, Н.А. Крыжановскую, В.Н. Докучаеву. И в 1949 г. не осталось специалистов по древнерусскому искусству и по народному творчеству⁶.

Был очень силен идеологический прессинг. Так, на научных совещаниях музейных работников в апреле и мае 1948 г., когда рассматривался план показа искусства XVIII в. (автор О.Н. Есипова) требовали создавать экспозицию в соответствии с политикой борьбы против низкопоклонства перед Западом. Для этого следовало произвести тщательный отбор предметов «по национальному признаку». А в старой

экспозиции было немало иностранных вещей. Задача была трудной: ведь если убрать большую часть предметов, это не понравится посетителям, (а их число было главным показателем работы музея). Так что сотрудники предлагали включить хотя бы часть иностранных вещей, но объяснять, что акварели Кампорези выставляются, с тем чтобы показать, как на итальянского художника повлияло русское искусство, что отобраны для экспозиции ткани по рисункам французских мастеров, но сделаны-то они на отечественных фабриках, что китайские вещи используются для раскрытия темы торговых и культурных связей с другими странами. А в противовес тем портретам XVIII в., где видно следование традициям западных живописцев, выставить работы А.П. Антропова, который «побеждает иностранное влияние», и т. д. Некоторые видели выход в том, чтобы немногие иностранные вещи поместить в русский «контекст» так, чтобы при этом сравнение было обязательно в пользу последнего, а народность видеть в искусстве крепостных мастеров, она же «прорывалась сквозь церковную тематику». Да еще требовалось новую экспозицию, построенную, кстати, по тематическому, а не ансамблевому принципу, (как было раньше), сделать мостиком к экспозиции отдела НХТ⁷.

Однако все эти задачи отступили на второй план, когда в середине 1949 г. на музей обрушилась реорганизация: его передали из республиканского в союзное подчинение – в Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР⁸. Казалось бы – повышение статуса на благо музею. В коллективе и у нового директора П.М. Чигиря даже возникла мысль, что можно будет реанимировать научную работу⁹. Но уже в начале следующего года стало ясно, что дело обстоит совсем не так. Произошло следующее. Комитет увидел бесчисленные недостатки в работе музея, прежде всего в учете и хранении вещей. Речь шла о передаче музейных ценностей во временное и постоянное пользование различным музеям без разрешения вышестоящей организации, незавершенности инвентаризации, засоренности фондов отдела

НХТ и пр. Неудовлетворительным было признано и проведение реставрационных работ¹⁰. Складывается впечатление, что сотрудники Отдела музеев Главного управления учреждениями изобразительных искусств при Совете Министров СССР (Главизо) были недостаточно компетентны в вопросах музейного дела. Было решено, например, создать Комиссию по пересмотру профиля музея. Но за несколько лет Главизо так и не смог этого сделать. Более всего это учреждение было обеспокоено сохранностью ценностей и потребовало закрыть для посетителей экспозицию древнерусского искусства, содержащую изделия из драгоценных металлов и с драгоценными камнями, сосредоточив их в специальном хранилище. Также было приказано востребовать все вещи, переданные раньше во временное пользование, и закончить инвентаризацию. Однако при этом были назначены нереальные сроки. Главизо потребовал также в середине года изменить план научной работы и пересмотреть существующие экспозиции. Кроме того, было принято решение о переселении сотрудников музея и работников Стройучастка из помещений, смежных с хранилищами и экспозициями, и о выселении посторонних жильцов с помощью прокуратуры. Но последнее так и осталось на бумаге. Было намечено также многое по улучшению содержания зданий, в том числе по их пожарной безопасности¹¹.

Научную работу, планировавшуюся на 1949 г., пришлось отложить, так как все сотрудники были отвлечены на учет, а часть их уволилась. Намечавшийся выпуск путеводителя оказался бессмысленным из-за закрытия экспозиций древнерусского искусства (по требованию Главизо) и обороны монастыря (из-за передачи Патриархии Луковой башни), а также потребовавшейся переделки других экспозиций. По итогам 1949 г. вся научная, культурно-массовая и учетно-хранительская деятельность была признана неудовлетворительной, а экспозиции – имеющими существенные недостатки¹².

В 1950 г. Комитет сменил директора и его заместителя по научной работе. Ими стали журналист Г.А. Сидоров-Окский и Б.С. Щипанов. Последний заведовал одним из отделов музея еще до войны. Но вскоре он был уволен за пьянство. Его сменил В.Т. Котов, написавший в анкете, что он «ответственный советский работник». Казалось, осуществилась давняя мечта сотрудников об образованном руководителе. Новый заместитель начал с жесткой критики. Выступая в середине 1950 г. на совещании, он нарисовал удручающую картину: в музее недооценивали важность учета и хранения, довели по небрежности многие произведения живописи до плохого состояния, допустили, что часть вещей поражена грибком, жучком, исцарапана и изломана. Часть инвентарных карточек потеряна, часть предметов числится списанной, (в то время как они есть в наличии, даже в экспозиции), описания предметов сделаны недобросовестно, в фондах отдела НХТ имеются незаинвентаризированные вещи, иные предметы записаны по два–три раза и т. п. Сложившуюся ситуацию Котов объяснял тем, что сотрудники плохо знают технику музейного дела¹³. Критика, видимо, во многом справедливая, прозвучала в такой форме, что вызвала бурные протесты и обиды и научных сотрудников, и уборщиц, делавших тяжелую и грязную работу за крайне низкую плату, к тому же в неотопливаемых помещениях.

Но были, конечно, и другие причины неудовлетворительной работы, о которых уже отчасти упоминалось: сокращение штатов, которое устроил Комитет, слишком жесткие, совершенно невыполнимые сроки, отпущенные на инвентаризацию изделий из драгоценных металлов, увлечение политико-просветительской работой в ущерб работе фондовой в предыдущий период, когда музей находился в ведении республиканского Комитета и пр.¹⁴ Особенно запущенной оказалась инвентаризация коллекций ОНХТ. Начатая еще в 1946 г., она была проведена без разбора и систематизации материала, что привело к большому количеству ошибок¹⁵. И в 1950 г. пришлось

признать, что лучше все начать заново, чем пытаться сверять инвентарные номера¹⁶. Разумеется, недостатки были и в условиях хранения. Передача части помещений Патриархии и связанные с этим перемещения фондов, теснота в хранилищах также не способствовали сохранности вещей¹⁷.

Работа по учету и хранению, проведенная в 1950 г., которая проводилась при прямом запрете директора на научную деятельность, несмотря на все усилия сотрудников была снова признана неудовлетворительной¹⁸. На следующий год решили отказаться от проведения сборных экскурсий, большую часть сотрудников вообще освободить от экскурсий и все силы бросить на учет¹⁹. Однако инвентаризация, проведенная в 1951–1952 гг., вновь получила неудовлетворительную оценку²⁰. Пытались поправить дело большими списаниями: 492 предмета списали без разрешения Комитета. В 1951 г. отобрали на списание еще 6611 предметов²¹. Но при повторном просмотре специалистами в 1953 г. 2500 из них были оставлены в музейной коллекции²². Только после подачи отчета за 1953 г. учетно-хранительская работа, наконец, была признана удовлетворительной²³.

Политику Комитета нельзя назвать последовательной: в 1954 г. союзный Комитет, так настаивавший на возврате ранее переданных вещей, сам распорядился передать 882 предмета из Загорского музея в Оружейную палату и 624 – в другие музеи²⁴. Формально-бюрократический метод руководства ярко проявился не только в требовании аврального переучета, но и в значительном сокращении штатов. Уже в 1949 г. сократили 11 вахтеров. И это при том, что Комитет так беспокоился о сохранности вещей²⁵. Бесплановая передача помещений Патриархии, как уже было сказано выше, вносила свой вклад в дезорганизацию работы музея. Так, экспозицию, посвященную обороне монастыря, из Луковой башни пришлось перевести в Водяную башню. Но влажность воздуха в ней была 98–100%, так что сразу встал вопрос о переводе экспозиции в какое-либо другое помещение²⁶. В

связи с тем, что вещи из драгоценных металлов по указанию Комитета поместили в закрытое хранилище, в трех залах Ризницы пришлось спешно делать новую экспозицию древнерусского искусства, а один зал выделить под специальное хранилище²⁷.

Отдел НХТ в 1947 г. был назван «больным» – экспозицию сочли неудовлетворительной. Открыта она была спешно в 1945 г. и не показывала, как теперь требовалось, преимущества вещей советского периода перед дореволюционными. Кроме того, были допущены серьезные ошибки при инвентаризации, о чем говорилось выше. Заведующего отделом И.Ф. Казакова считали из-за преклонного возраста и мягкого характера недостаточно требовательным к сотрудникам²⁸. В 1947 г. была произведена реэкспозиция по плану Супищиковой: внутри каждого раздела – дореволюционного и советского – вещи были сгруппированы по видам художественных произведений, месту возникновения, а в пределах места – по десятилетиям. В 1949 г. в Музее была открыта выставка «Художественные промыслы Подмосковья», экспонаты для которой собирала Супищикова, объехавшая ряд центров художественных промыслов. В этой работе принимали также участие Л.Н. Бойкова и В.Н. Докучаева, занимавшиеся промыслом богородской резной игрушки²⁹. И в экспозицию НХТ были включены предметы, приобретенные с выставки художественных промыслов. Но и обновленная экспозиция вызывала возражения. Стояла задача: показать расцвет искусства советского периода. На научных совещаниях 1951 г. было предложено убрать из экспозиции произведения Вл. И. Соколова как «ненародного мастера», а также Мазина, Лебедева, Суханова – мастеров, работавших в 1930-е гг., убрать жостовские подносы, федоскинские лаки, вятскую игрушку и пр.³⁰ Научные сообщения и доклады в этот период разрабатывались на такие темы как «Маркс и Энгельс о народном творчестве», «Ленин и Сталин о народном творчестве» и т.п.³¹

Так как в ОНХТ советский период выглядел беднее дореволюционного, требовалось это срочно исправить. Однако, несмотря на все просьбы музея приобрести отобранные в 1952 г. на выставке в Москве изделия народных промыслов, денег Комитет не отпустил, и серьезная работа сотрудников в этом направлении пропала даром³².

Комитет также прекратил финансирование реставрационных работ по архитектурным памятникам. Эти работы были законсервированы, их руководитель И.В. Трофимов в 1950 г. уволился³³.

Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг., несмотря на все трудности, был все-таки выполнен ряд научных работ. К сожалению, кроме краткого путеводителя по музею Ю.А. Лебедевой (1947) не удалось ничего издать. Так, остались неопубликованными работы И.В. Лазарева «Строительство в Троице-Сергиевом монастыре в XVIII веке и современные методы реставрации архитектурных памятников», А.М. Курбатовой «История Загорска», О.Н. Есиповой «Ткани XVIII века» и др., а также подготовленный сборник по народному искусству со статьями Т.Н. Грушевской о богородских мастерах, Ю.А. Лебедевой о Палехе, М.П. Званцевой о горьковской народной живописи, А.И. Деньшина о дымковской игрушке и пр.³⁴

Только одну экспозицию удалось открыть в этот период – «Архитектурные памятники и их реставрация» – в двух залах северного крыла Больничных палат (1949)³⁵.

К середине 1950-х гг. с назначением Н.А. Маясовой на должность заместителя по научной части и окончанием мучений с инвентаризацией, а также в связи с тем, что с 1955 г. музей снова был переведен в республиканское подчинение, а в следующем году в подчинение Московскому областному отделу культуры, обстановка постепенно нормализовалась³⁶. Развернулась деятельность новых молодых, энергичных сотрудников: О.В. Кругловой, Л.Э. Калмыковой, Т.В. Николаевой, О.А.

Белобровой и др. Научные исследования велись в направлении изучения как отдельных памятников в собрании музея, так и целых коллекций. Была осуществлена огромная собирательская работа, что позволило существенно расширить и улучшить экспозиции.

Археологические исследования на территории Лавры раньше проводились эпизодически. Так, в 1945 г. сотрудники Истории материальной культуры (ИИМК) вскрыли склеп Годуновых³⁷. Но с 1952 г. Т.В. Николаева установила постоянные наблюдения за земляными и строительными работами, когда в музее стали проводить центральное отопление. Были найдены несколько надгробных плит XV–XVII веков. Для их исследования она привлекла монастырские документы: Вкладные и Кормовые книги, Синодик и пр. Археологическая коллекция пополнилась также благодаря школьникам, которые нашли в размытом берегу реки Вондюги, близ Лавры, скопление поливных и неполивных (красных) изразцов, клад монет XV–XVII вв., они принесли также монеты XVII–XX вв. и пр. Николаева регулярно составляла отчеты, писала статьи об обнаруженных памятниках и о надгробных плитах монастырского некрополя. В 1960 г. была открыта экспозиция археологического отдела, которая в дальнейшем неоднократно пополнялась. Николаева составила также общий свод надписей на надгробных плитах³⁸.

Как известно, усиление атеистического прессинга в хрущевские времена привело к новым массовым закрытиям церквей. Так, за 1961–1962 гг. число действующих церквей сократилось более чем на 30%³⁹. В соответствии с приказом Министерства культуры РСФСР от 21 ноября 1960 г. сотрудниками музея проведена большая работа по обследованию действующих и закрытых церквей для выявления и изъятия историко-художественных памятников. Эта работа проводилась не только в Московской области, но и Тульской, Тамбовской, Костромской областях. В тех случаях, когда в храмах, где служба продолжалась, находили уникальные

произведения искусства, возбуждали ходатайство о передаче их в музей, а из закрытых церквей аналогичные памятники изымали сразу. Таким образом, только в 1961 г. в Загорский музей поступило почти 300 вещей, в том числе 30 икон, 149 книг старой печати, 113 предметов прикладного искусства из серебра, меди, дерева, парчи и пр. Новые поступления подвергали дезинфекции, некоторые передавали на реставрацию⁴⁰. Так было спасено немало ценных произведений искусства, которым грозила гибель.

С 1952 г. начались ежегодные экспедиции сотрудников отдела НХТ для изучения художественных промыслов, а позже и народного (крестьянского) искусства. В течение 1952–1963 гг., кроме Подмосковья (хотьковской резьбы по дереву и кости, богородской резной игрушки и др.), был обследован целый ряд регионов. Приведем этот впечатляющий перечень: камнерезный промысел в Горьковской и Молотовской областях, каслинское литье, златоустовская гравировка, ювелирное производство в селе Красном Костромской области, хохломская роспись, игрушка Семенова Горьковской области, вологодское и елецкое кружево, холмогорская резьба по кости, лаковая роспись Федоскина и Холуя, резьба по капокорешку Кировской области, шемогодская резьба по бересте, устюжская чернь, золотошвейное дело и др. В этих экспедициях участвовали О.В. Круглова, Л.Э. Калмыкова и – в первые годы – Л.Н. Бойкова⁴¹. Они пополняли музейные коллекции, изучали биографии мастеров, составляли описания техники производства и лучших произведений. Так, Калмыкова при изучении кружевоплетения на Вологодчине записала сведения по истории промысла, в том числе легенду о его возникновении, данные о дореволюционных скупщиках и о современных мастерицах, названия отдельных видов изделий, сведения о старых узорах, об изменении ассортимента в советское время. Она также изучила коллекцию кружев Вологодского краеведческого музея и фондов лаборатории Волокружевосоюза, выявила характер и композиции узора на отдельных этапах развития кружевоплетения, художественные особенности местного

кружева и изменения в орнаменте как массовых изделий, так и крупных тематических вещей, и даже старинных штучных изделий, находившихся у частных лиц⁴². Это типичный подход сотрудников музея к изучению промысла в то время. Надо заметить также, что, выезжая в регион с целью обследования определенного промысла или центра народного искусства, они часто расширяли границы исследования. Например, во время поездки в Воронеж и Калач Круглова, помимо сведений о керамическом промысле, собрала интересный материал о жилых постройках в Калаче. То же произошло при ее посещении Холуя⁴³. С 1952 г. почти ежегодно в музее проводили конференции по материалам экспедиций, открывали временные выставки, по некоторым из них выпускали каталоги. При этом обычно приглашали представителей промыслов, коллег из НИИХП и других организаций. Обсуждались и производственные вопросы: отсутствие механизации, плохое снабжение, недостаток квалифицированных кадров, отсутствие необходимой литературы и пр. В одной из таких конференций принял участие известный специалист в области музееведения А.М. Разгон, высоко оценивший сделанные доклады. Он отметил, что в музее не просто собирают вещи, но обобщают материал даже на основе одной экспедиции⁴⁴.

Начиная с 1960 г. сотрудники ОНХТ выступали с докладами не только в своем музее, но и за его пределами. Помимо изучения современных промыслов, Круглова и Калмыкова много занимались сбором и исследованием произведений крестьянского искусства. Круглова ездила в экспедиции по рекам Пинеге, Мезени, Северной Двине, где собирала предметы с резьбой и росписью по дереву (прялки и др.). Калмыкова изучала народное искусство Тверской земли, в основном вышивку и набойку.

Период середины 1950–начала 1960-х годов был временем интенсивной экспозиционной работы. В 1956 г. в Музее были открыты для посетителей уже шесть экспозиций. Одна из них, посвященная истории монастыря-крепости XIV–XVII веков, была размещена в трех залах на

втором этаже в южном крыле Больничных палат. Центральное место, как и раньше, было отведено теме обороны монастыря в 1608–1610 гг., но был показан и рост его как феодала-вотчинника, и события конца XVII в., связанные с ролью обители в жизни Петра I. В нижнем этаже тех же палат посетители знакомились с памятниками монастырского некрополя. А в трех залах бывшей ризницы располагалась экспозиция «Древнерусское искусство XIV–XVII веков» (иконы, шитье, предметы прикладного искусства, древние книги). Русское прикладное искусство XVIII–XIX веков было представлено в семи залах Наместничьих покоев. Завершался обзор разделом «Русское народное художественное творчество XVIII–XX вв.»⁴⁵

Существенное обновление претерпела экспозиция «Монастырь-крепость в XVI–XVII вв.» В 1951 г. она занимала всего один зал в Больничных палатах (после перевода из Водяной башни). В следующем году был открыт второй зал, включивший материалы, отражавшие роль монастыря как феодала в XV–XVII вв. и антифеодальные движения XVII в. Дальнейшая работа затормозилась в связи с проведением отопления, а потом из-за того, что составление тематического плана было поручено ученому секретарю И.И. Бурейченко, который не справился с задачей.

В 1962 г. план первой части этой экспозиции был составлен Н.А. Маясовой, Т.В. Николаевой и Л.М. Спириной. Они расширили временной диапазон – речь уже шла о периоде XIV–XVIII веков. Были отобраны экспонаты не только в собственных фондах, но также в музеях Истры, Коломны и в ГИМ. Выполнены новые макеты Лавры, рисунки, копии миниатюр и пр. Заказано и получено новое оборудование – более 400 наименований. В 1963 г. открылись уже четыре зала в Больничных палатах. Т.В. Николаевой, В.П. Зыковой, Л.М. Спириной, Т.Н. Манушиной и Н.М. Назаровой был также составлен план второй части экспозиции (XVIII–XX вв.). Начался отбор вещей и их реставрация.

В связи с устройством отопления и ремонтными работами археологический раздел, временно закрытый, вновь был открыт в 1962 г. и в следующем году значительно пополнен⁴⁶.

В 1952 г. экспозиция отдела архитектуры (в двух залах северного крыла Больничных палат), была значительно расширена: добавлены модель Корбухи (загородного монастырского дома с садом), акварели архитектора Д.П. Сухова с реконструкциями Корбухи, белокаменные детали, фотографии памятников архитектуры Лавры. Работу проводили И.И. Багаева и Т.В. Николаева. В церкви Зосимы и Савватия была развернута выставка архитектурных деталей и археологических находок. Она дополнялась в следующем году. Потом из-за ремонтных работ экспозиция «Архитектурные памятники и их реставрация» была некоторое время свернута, а в 1961 г. открыта и расширена на один зал (автор И.И. Багаева)⁴⁷.

Экспозиция древнерусского искусства подверглась значительному изменению в связи с тем, что по указанию Комитета по делам искусств в 1950 г. выделили в особое помещение изделия из драгоценных металлов и с драгоценными камнями. Пришлось срочно создавать в трех залах ризницы новую экспозицию, которая пополнялась в 1954 г., а в 1958 г. Николаева расширила ее еще на один зал, добавив более 200 экспонатов. Это были реставрированные вещи, а также произведения мелкой пластики, которые она определила и датировала. Сюда вошли также произведения искусства XVII в., что раньше было невозможно из-за недостатка площади. Таким образом, была создана выдающаяся панорама развития древнерусской художественной культуры всего периода Московской Руси⁴⁸.

При переводе экспозиции искусства XVIII в. из Митрополичьих покоев в Наместничьи, когда первые были переданы Патриархии, сначала открыли выставку «Русское прикладное искусство XVIII–XIX вв.» (автор Т.Н. Кедрова). Ее дополняли в 1954 и 1955 г. Затем она была закрыта в связи с проведением отопления и возобновлена в 1957 г.⁴⁹

Экспозиция ОНХТ пересматривалась в 1952 и 1953 г. с целью повышения ее идейно-художественного уровня (авторы О.В. Круглова и Т.Н. Бойкова). При этом советский раздел был увеличен на один зал. В дальнейшем она пополнялась несколько раз в основном за счет вещей, привезенных из экспедиций. Кроме того, большие приобретения удалось сделать к 40-летнему юбилею Октябрьской революции – только в 1957 г. закупили 550 предметов. И был выпущен каталог⁵⁰.

Серьезные изменения, которые происходили в существовавших экспозициях, и создание новых были обусловлены рядом причин. Часть из них носила политический и идеологический характер (борьба с космополитизмом, передача многих зданий Патриархии, а затем новая антирелигиозная волна). Одновременно шел внутренний рост музея – значительное пополнение коллекций, главным образом, благодаря интенсивной экспедиционной деятельности, а также вследствие включения в экспозиции вещей, прошедших реставрацию. Сыграли свою роль и технические проблемы: в течение нескольких лет экспозиции одну за другой приходилось закрывать при проведении центрального отопления. Естественно, при этом перемещали экспонаты, вносились и другие изменения. И, конечно, большое значение в достигнутых успехах, как уже отмечалось, имело то, что в музей пришли молодые образованные сотрудники со свежим взглядом.

В 1950-е годы благодаря Кругловой и Калмыковой активизировалась работа с местными творческими силами. Круглова стала членом Художественного совета Загорских художественных мастерских. В музее с 1950 г. почти ежегодно проходили выставки местных мастеров с докладами искусствоведов и обсуждением работ. Устраивали также персональные выставки: Н.И. Барченкова, П.А. Радимова, Ц.С. Стоянова, Вл.И. Соколова, Вас.И. Соколова, Л.В. Трофимова и др. Был устроен показ творчества самодельных художников и детского рисунка одной из школ⁵¹. В 1959 г.

открылась выставка старейших мастеров. На ней представили, в частности, произведения, авторы которых были связаны с Загорским музеем: П.И. Нерадовского, (большое количество графических портретов и несколько пейзажей) и Т.Н. Грушевской (эскизы для росписи деревянных токарных изделий 1945 г., эскизы открыток и иллюстраций и портреты игрушечников). Интересны также были фарфоровые фигурки с росписью Т.Н. Шевченко и работы других художников. Выпустили и каталог с биографиями авторов произведений⁵². В 1960-е годы в выставках музея стали принимать участие и москвичи⁵³.

Сохранился подробный протокол обсуждения весенней выставки 1952 г., в котором ярко отразилась кампания борьбы с космополитизмом. Особенно досталось тогда Цочо Стоянову, болгарину, жившему в Загорске с 1943 г. Критики высказывались так: «слишком эстетичный художник», «надо давать советский пейзаж, а у него французистость», «все пейзажи Стоянова проникнуты буржуазной идеологией», «это пережитки формализма, с которыми надо вести борьбу». А художник Н.Я. Беляев заявил: «... работники музея пропустили на выставку недостойные произведения. Нам не нужны такие выставки <...>. Партия требует, чтобы каждый художник подчинял свое творчество задачам построения коммунизма <...>. В работах Стоянова имеется, безусловно, формалистический характер с оглядкой на Запад»⁵⁴.

Сотрудники музея читали лекции, пропагандируя реалистическое искусство: «Основоположники русского национального пейзажа», «Образ советского человека в искусстве», «Советское искусство в борьбе за мир», «Образы Ленина и Сталина в советской живописи», «Образ Ворошилова в советской живописи». Ряд лекций был посвящен творчеству художников-реалистов: Федотова, Репина, Левитана, Перова, Иогансона и др. Устраивали также передвижные выставки репродукций: «Лучшие произведения советской живописи», «Русское реалистическое искусство второй половины

XIX в.» и т.п. А с 1959 г., после XXI съезда КПСС, на котором было принято решение об усилении эстетического воспитания трудящихся, сотрудники музея читали циклы лекций по искусству в городском Народном университете культуры и в лекториях района: Константинове, Муханове и Краснозаводске⁵⁵.

Когда оживилась научная работа, остро встал вопрос и об издательской деятельности Музея. В 1950-х и начале 1960-х годов увидели свет три выпуска сообщений и путеводители. Путеводитель 1956 г. был переиздан в следующем году. Он был составлен коллективом авторов: Н.А. Маясовой, Т.В. Николаевой, И.И. Бурейченко, О.Н. Есиповой и О.В. Кругловой. Вышли также брошюра Николаевой об обороне монастыря в 1608–1610 годах и фундаментальный каталог произведений мелкой пластики XIII–XVII веков – первый каталог более чем за 30 лет жизни музея. Была также опубликована монография Кругловой о художнике Владимире Ивановиче Соколове, выпущены два комплекта открыток (1958 и 1962) и несколько каталогов временных выставок народного искусства и выставок художников⁵⁶.

Первый выпуск сообщений музея представлял собой развернутый отчет работы за 1954 г. Второй и третий – это сборники статей по отдельным памятникам и коллекциям: «Надгробные плиты под западным притвором Троицкого собора» Т.В. Николаевой, «Надписи на произведениях иконописи XIV–XVII веков» А.М. Курбатовой, «Иконы Симона Ушакова в собрании Загорского музея» и «Произведения А.П. Антропова в Загорском музее» Т.Н. Кедровой, «Тульская народная вышивка» Л.Н. Бойковой и др. В «Сообщениях» помещали также научные работы реставраторов: М.П. Рябовой «Реставрация покровы XVII века», В.И. Балдина «Красная башня Троице-Сергиева монастыря (исследование и проект реставрации)», И.В. Трофимова «Больничные палаты с церковью Зосимы и Савватия XVII века и их реставрация».

По истории и архитектуре Лавры были изданы книги И.В. Трофимова и В.И. Балдина⁵⁷.

Несколько работ сотрудников музея Калмыковой, Кругловой, Николаевой, Белобровой в первой половине 1960-х годов были опубликованы в известных периодических изданиях Москвы и Ленинграда⁵⁸.

Но в 1961 г. музею было отказано в бумаге, и издание его трудов в виде книг и сборников прекратилось на несколько лет, хотя Н.А. Маясова, Т.В. Николаева, Т.Н. Кедрова, Е.Н. Клитина, О.А. Белоброва, Г.И. Вздорнов подготовили к изданию десятки статей⁵⁹.

Реставрационные работы в послевоенные годы продолжал проводить Стройучасток, с 1948 г. реорганизованный в Республиканскую специальную научно-реставрационную производственную мастерскую, которая была передана в ведение Управления архитектуры. Ее руководитель И.В. Трофимов разработал проект восстановления гульбища Трапезной, осуществленный в 1948 г. Однако отношения музея с руководством Стройучастка испортились: музей был недоволен независимостью Трофимова, считал, что тот недостаточно занимается жилыми корпусами, водопроводом и электроосвещением, а также не помогает при создании новых экспозиций⁶⁰. В то же время Стройучасток испытывал большой недостаток в строительных материалах, так что работы несколько раз надолго прекращались⁶¹. И Трофимов в 1950 г. вынужден был уйти. Дела с реставрацией от этого не улучшились. Комитет считал, что дирекция музея не уделяет должного внимания охране памятников архитектуры. А Патриархия проводила реставрационные работы, не согласовывая их музеем⁶².

В 1951 г. при проверке оказалось, что в аварийном состоянии находятся Бондарные палаты – образец хозяйственной постройки XVII в., обрушилась часть стены, в арках Успенских ворот большие трещины, Водяная башня залита водой, так как музей вырыл близ этой башни яму для

помоев и т. д.⁶³ В ближайшие годы положение с состоянием архитектурных памятников не изменилось. Намеченные планы реставрации систематически не выполнялись, территория оставалась захлавленной, застроенной сараями, свинарниками и курятниками⁶⁴. Только в 1957 г., к VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов, был проведен ряд ремонтных работ и приведена в порядок территория. В 1955–1962 гг. из Лавры были, наконец, выселены все жители⁶⁵.

С 1950 г. В.И. Балдин возглавил работу подготовки комплексного плана-проекта по исследованию и реставрации памятников архитектуры Лавры. В первой половине 1960-х годов были закончены работы по Смоленской церкви, Больничным палатам и Духовской церкви⁶⁶.

До 1948 г. в музее существовала реставрационная мастерская по древнерусской живописи и тканям в качестве филиала ГЦХРМ⁶⁷. Над иконами работал Н.А. Баранов, а над шитьем А.Д. Меркулова. С 1949 г. иконы стали отправлять в ГЦХРМ в Москву, а шитьем по-прежнему занимались в помещении музея. По договорам с музеем художник П.И. Нерадовский реставрировал портреты XVIII в., а мебель – краснодеревщик А.Н. Алехин. Художник Ф.А. Модоров вел работы по расчистке и укреплению фресок в куполе Троицкого собора⁶⁸. Однако объем всех этих работ был незначителен по сравнению с потребностями музея.

На просветительскую деятельность в рассматриваемый период обращали исключительно большое внимание. Еще в 1948 г. в музее было организовано методическое бюро⁶⁹. В 1951 г. Комитет приказал обеспечить создание методических пособий к экскурсиям и вести систематический контроль за содержанием и качеством всей научной пропаганды⁷⁰. Экскурсии приходилось разрабатывать таким образом, чтобы они удовлетворяли требованиям горкома партии⁷¹. В 1955 г. экскурсионная работа согласно указаниям Комитета стала считаться основной, и ее разрешалось проводить за счет другой деятельности⁷². С целью популяризации музея по

учреждениям Москвы и области распространяли афиши, публиковали объявления в «Вечерней Москве» и в местной газете, давали информацию на местном радио, устанавливали рекламные щиты, проводили работу с учителями и пионервожатыми, заключали договоры с домами отдыха, расположенными по Ярославской дороге. С 1947 по 1963 г. число посетителей выросло в 3,5 раза, а экскурсий в 2,5 раза (в 1963 г. 120758 посетителей и 2599 экскурсий)⁷³.

Деятельность музея была сильнейшим образом идеологизирована. В этом сказался не только дух эпохи, но и само место музея находившегося в Лавре. Идеологией была пронизана не только просветительская и экспозиционная работа, но и научная. Как уже сказано выше, приходилось откликаться на кампании по борьбе с низкопоклонством перед Западом, по борьбе с формализмом в искусстве. Всегда оставалось требование антирелигиозной пропаганды, хотя интенсивность ее менялась. В послевоенное время, когда монастырь и музей стали существовать на одной территории, возникли вопросы, как же в этих условиях вести антирелигиозную пропаганду. На одном из совещаний научных сотрудников директор объявил, что экскурсовод является политагитатором, и разъяснил, что сведения, касающиеся монастыря и Церкви, должны сообщаться только в порядке ответов на вопросы, так как Церковь отделена от государства. А сотрудники в своих выступлениях призывали не идеализировать монастырь, не преувеличивать роль Сергия, Пересвета, и Осляби⁷⁴. Можно сказать, что в то время отношение музея к Церкви было лояльным. Но уже в 1948 г. были приняты меры по усилению религиозной составляющей экспозиции искусства XVIII в.: был привлечен дополнительный материал светского характера из ГИМ, что, как полагали, скрадывало культовое назначение экспонатов. Была также произведена реэкспозиция отдела древнерусского искусства: часть культовых предметов, принадлежавших Сергию Радонежскому, была изъята⁷⁵. В дальнейшем Главизо было выдвинуто

требование исключить из экспозиции митру митрополита Платона, плащаницу, кадило, оклады евангелий и т. п.⁷⁶

В 1950 г. после обследования музея горкомом партии снова остро встал вопрос об антирелигиозной пропаганде. Было предложено создать экспозицию по истории монастыря, отразив в ней его роль как феодала⁷⁷. Это выполнили в 1952 г.: открыли второй зал экспозиции «Монастырь-крепость», где показали эксплуататорскую роль монастыря и антифеодальные движения XVII в. (карты вотчинных владений монастыря, крестьянских восстаний, документы и т.п.)⁷⁸.

После прихода к власти Н.С. Хрущева вышло постановление ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения». И работу музея в этом направлении снова сочли недостаточной. Были даны рекомендации: в экскурсиях никаких справок о монастыре не давать, на вопросы типа: «Где брать святую воду?» отвечать: «Не знаю»⁷⁹. На совещании научных работников предложили «разоблачать мертвящую роль церковного канона, мешавшего развернуть мастерам свои дарования», на примере покровов Сергия вскрывать борьбу реалистических тенденций в русском искусстве, разоблачать легенду о монашеском аскетизме, «усилить моменты народности в искусстве» и т. д. Было откровенно решено обратиться к довоенным материалам, дополнить ими экспозицию, чтобы усилить разоблачение монастыря как феодала-эксплуататора⁸⁰. Очередной всплеск атеистической пропаганды пришелся на 1961–1962 гг. В октябре 1961 г. состоялся XXII съезд партии, на котором Хрущев потребовал организации атеистической пропаганды среди всего населения страны, в том числе верующих, и обещал как музейную редкость показать по телевидению «последнего советского попа»⁸¹.

В это время были внесены изменения в методическое руководство по обзорной экскурсии, усиливающие атеистическую направленность⁸². Со всеми сотрудниками были проведены занятия на тему «Реакционная

сущность Троице-Сергиевой лавры». Многие сотрудники приняли участие в работе Университета атеизма, в городских атеистических мероприятиях, устраивали и аналогичные выставки. В 1962 г. был организован музейный кинолекторий по научному атеизму. Пересняли на узкую пленку кинофильм «Вскрытие мощей Сергия», завели альбом вырезок из журналов и газет на атеистические темы и постоянно его пополняли⁸³.

Все это вынудило музей снова менять научную тематику и содержание лекций, а также вносить изменения в экспозиции. Так, по решению горкома партии была произведена реэкспозиция исторического отдела с целью расширения хронологических рамок и показа реакционной и эксплуататорской роли Лавры от ее основания до 1920 г. На 1963 г. были поставлены в план такие темы как «Реакционная деятельность Троице-Сергиевой лавры и митрополита Филарета в период восстания декабристов и реформы 1961 года», «Реакционная деятельность Троице-Сергиевой лавры в период революций 1905–1917 годов». Из 112 лекций, прочитанных сотрудниками музея в 1962 г., 70 были атеистическими 112 лекций, прочитанных сотрудниками музея в 1962 г., 70 были атеистическими. Руководители музея дважды ездили в это время в Ленинград, в Музей истории религии и атеизма для ознакомления с опытом работы. Впервые у музея потребовали отдельный отчет по атеистической работе за 1962 г.⁸⁴.

Период 1947–1964 гг. в жизни музея был достаточно сложным. В конце 1940 – начале 1950-х годов музей пережил кризис как вследствие сложившейся в нем нездоровой обстановки, так и благодаря передаче его в ведение союзного Комитета по делам искусств. Последнее привело к тому, что музей попал под формально-бюрократическое руководство, приведшее к дезорганизации работы. В такое положение свою долю внесла и бесплановая передача зданий Патриархии, и частая смена руководящих кадров. Была закрыта часть экспозиций, замерла научная работа, ушли многие сотрудники. Реставрационные работы по архитектурным памятникам также почти

прекратились. Положительным в этот период было то, что под нажимом союзного Комитета была приведена в порядок инвентаризация фондов. Но большое количество сил и времени было потрачено на бесконечные реэкспозиции, связанные как с перемещением экспонатов вследствие передачи помещений Патриархии, так и с кампаниями по борьбе с космополитизмом и формализмом, с усилением требований по антирелигиозной пропаганде. Силы и время также были растрочены на подготовку лекций, в основном не связанных с основной деятельностью музея, и создание передвижных атеистических выставок.

С середины 1950-х годов начался период, который можно назвать периодом расцвета. Молодые энергичные новые сотрудники развернули большую работу во всех отделах. Исключительно плодотворной была работа в ОНХТ. О.В. Круглова и Л.Э. Калмыкова вели активную экспедиционную и выставочную деятельность, благодаря чему коллекции были существенно пополнены произведениями народного творчества и изделиями художественных промыслов. Проводились конференции по народному искусству, а также ежегодно открывали выставки местных художников.

Благодаря приходу в музей Т.В. Николаевой впервые стали вестись систематические наблюдения за земляными и строительными работами на территории Лавры, и была открыта археологическая экспозиция.

Значительно пополнились коллекции музея в первой половине 1960-х годов благодаря экспедициям по обследованию церквей.

Нужно также отметить возобновление издательской деятельности в 1950–1960-е годы.

Большим достижением было выселение за пределы древних монастырских стен всех посторонних предприятий, а также жильцов, благодаря тому, что на средства Лавры для них были выстроены дома в городе. В 1950-е годы в музее провели, наконец, центральное отопление. В

первой половине 1960-х годов был достигнут ряд успехов в реставрации архитектурных памятников.

Сотрудники музея вынуждены были работать, постоянно испытывая сильный идеологический прессинг. И большой их заслугой является то, что в таких условиях часто ценой героических усилий они смогли многое сделать.

---

¹ЗГИХМЗ. Краткий путеводитель / Сост. Ю.А.Лебедева. Загорск, 1947.

² Архив СПМЗ. НА–1/139. Л. 6; 1/149. Л. 9а.

³ Там же. НА–1/146. Л. 16.

⁴ Там же. НА–1/134. Л.7; 1/127. Л. 11а.

⁵Там же. НА–1/139. Л. 8–15, 19–19 об.

⁶Там же. НА–1/146. Л. 9.

⁷ Там же. НА–1/137. Л. 1–3, 11–13.

⁸Там же. НА–1/146. Л. 1.

⁹Там же. НА–1/147. Л. 22, 24, 36.

¹⁰Там же. НА–1/146. Л. 7–8.

¹¹ Там же. НА–1/146. Л. 14–16.

¹² Там же. НА–1/155. Л. 60; 1/149. Л. 17.

¹³Там же. НА–1/155. Л. 37–40.

¹⁴ Там же. НА–1/155. Л. 41–45.

¹⁵ Там же. НА–1/139. Л. 14.

¹⁶ Там же. НА–1/155. Л. 4.

¹⁷ Там же. НА–1/167. Л. 37.

¹⁸Там же. НА–1/167. Л. 9а.

¹⁹ Там же. НА–1/164. Л. 14.

²⁰ Там же. НА–1/178. Л. 44.

²¹ Там же. НА–1/178. Л.21–22.

²²Там же. НА–1/185. Л. 21.

²³Там же. НА–1/181. Л. 42.

²⁴Там же. НА–1/194. Л. 19–22.

²⁵Там же. НА–1/153. Л.2.

²⁶Там же. НА–1/152. Л. 6; 1/158. Л. 3; 1/156. Л. 18,19.

²⁷Там же. НА–1/152. Л. 5.

²⁸ Там же. НА–1/125. Л. 16–19, 31.

²⁹ Там же. НА–1/140. Л. 1–4; 1/151. Л. 1–4, 14..

³⁰Там же. НА–1/164. Л. 1 об., 18 об., 19 об., 20–21.

³¹ Там же. НА–1/169. Л. 9.

³² Там же. НА–1/156. Л.18, 19; 1/155. Л. 4.

³³Там же. НА–1/149. Л. 6–7.

³⁴ Там же. НА–1/134. Л. 10.

³⁵ Там же. НА–1/156. Л. 19.

³⁶Там же. НА–1/197. Л. 1.

³⁷ Там же. НА–1/128. Л. 48.

³⁸ Там же. НА–1/177. Л. 33; 1/185. Л. 11, 15; 1/184. Л. 13; 1/194. Л. 6–7; 1/120. Л. 6; 1/207. Л. 10.; 1/215. Л. 10; 1/222. Л. 6; 1/229. Л. 9, 16; 1/242. Л. 5, 6, 13, 21; 1/254. Л. 12, 15.

³⁹ *Шкаровский М.В.* Русская православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005. С. 385.

⁴⁰ Архив СПМЗ. НА–1/242. Л. 11, 36–37; 1/248. Л. 6–8; 1/254. Л. 2, 16, 17, 19.

⁴¹ Там же. НА–1/178. Л. 5–6; 1/185. Л. 9–10; 1/194. Л. 5, 11; 1/201. Л. 7, 8, 10; 1/204. Л. 3; 1/207. Л. 9; 1/215. Л. 10–12; 1/222. Л. 7; 1/229. Л. 10, 19; 1/235. Л. 8, 11; 1/242. Л. 10–12; 1/248. Л. 5; 1/254. Л. 10.

⁴² ЗГИХМЗ. Краткие сообщения. Загорск, 1955. Вып. 1. С. 21–22.

⁴³ Архив СПМЗ. Инв. НА–1/178. Л. 6; 1/222. Л. 7.

⁴⁴ Архив СПМЗ. НА–1/232. Л. 31; 1/198. Л. 1–6.

⁴⁵ ЗГИХМЗ. Путеводитель /Сост. Н.А.Маясова, Т.В.Николаева, И.И.Бурейченко, О.Н.Есипова, О.В.Круглова. М., 1956.

⁴⁶ Архив СПМЗ. НА–1/242. Л. 5; 1/254. Л. 12.

⁴⁷ Там же. НА–1/178. Л. 12–13; 1/185. Л. 15; 1/194. Л. 10; 1/207. Л. 14; 1/215. Л. 16; 1/242. Л. 21.

⁴⁸ Там же. НА–1/194. Л. 11; 1/222. Л. 14.

⁴⁹ Там же. НА–1/185. Л. 13; 1/194. Л. 11; 1/201. Л. 12; 1/207. Л. 15.

⁵⁰ Там же. НА–1/178. Л. 11–12; 1/185. Л. 15; 1/194. Л. 11; 1/201. Л. 13; 1/215. Л. 16; 1/248. Л. 4; 1/254. Л. 11. *Круглова О.В.* Каталог экспозиции русского народного творчества Загорского музея-заповедника. Загорск, 1957.

⁵¹ Архив СПМЗ. Инв. НА–1/156. Л. 17; 1/178; Л. 13–14; 1/173. Л. 52–53; 1/185. Л. 16; 1/194. Л. 11, 15; 1/197. Л. 13, 16; 1/215. Л. 1; 1/222. Л. 14; 1/235. Л. 16; 1/242. Л. 22–23; 1/254. Л. 12.

⁵² *Калмыкова Л.Э.* Каталог выставки старейших художников. Загорск, 1959.

⁵³ Архив СПМЗ. НА–1/242. Л. 22; 1/248. Л. 16; 1/254. Л. 12.

⁵⁴ Там же. НА–1/176. Л. 1–21.

⁵⁵ Там же. НА–1/169. Л. 10; 1/178. Л. 5, 9, 19; 1/185. Л. 18, 19; 1/242. Л. 4.

⁵⁶ *Николаева Т.В.* Народная защита крепости Троице-Сергиева монастыря 1608–1610 годов. М., 1954; *она же.* Древнерусская мелкая пластика XI–XVI веков из собрания ЗМЗ. М., 1968; *Круглова О.В.* Владимир Иванович Соколов. М., 1958.

⁵⁷ *Трофимов И.В.* Памятники архитектуры Троице-Сергиевой лавры. Исследования и реставрация. М., 1961; *Балдин В.И.* Троице-Сергиева лавра. М., 1958; *он же.* Загорск. М., 1958.

⁵⁸ *Калмыкова Л.Э.* Кружевница Анна Гужавина // ДИ. 1958. № 10. С. 27–28; *она же.* Узорная береста // ДИ. 1960. № 3. С. 29–30. *Круглова О.В.* Северодвинские находки // Там же. С. 33–35; *она же.* Мезенская роспись по дереву // СЭ. 1964. № 3. С. 118–123. *Николаева Т.В.* Новые находки на территории Загорского музея-заповедника // СА. 1957. № 1. С. 251–255; *она же.* О некоторых надгробиях XV–XVI веков в Загорском музее-заповеднике // СА. 1958. № 3. С. 170–179. *Белоброва О.А.* К вопросу об иконографии Максима Грека // ТОДРЛ. М.–Л., 1958. Т. 15. С. 301–309; *она же.* Автограф Дионисия Зобнинского // Там же. М.–Л., 1961. Т. 17. С. 388–390.

⁵⁹ Архив СПМЗ. НА–1/242. Л. 6.

- ⁶⁰ Там же. НА–1/136. Л. 13–15; 1/155. Л. 46.
- ⁶¹ Там же. НА–1/156. Л. 25.
- ⁶² Там же. НА–1/139. Л. 1; 1/146. Л. 8; 1/150. Л. 13.
- ⁶³ Там же. НА–1/168. Л. 36–39.
- ⁶⁴ Там же. НА–1/167. Л. 7а; 1/168. Л. 17–18; 1/180. Л. 15; 1/181. Л. 12–13, 42, 44; 1/183. Л. 59; 1/204. Л. 1; 1/215. Л. 4.
- ⁶⁵ Там же. НА–1/215. Л. 1. *Матюшин С.* Лаврские дома. Вперед (газета Сергиево-Посадского района) от 4 августа 2001 г.
- ⁶⁶ Архив СПМЗ. НА–1/232. Л. 36–37.
- ⁶⁷ Там же. НА–1/146. Л. 22.
- ⁶⁸ Там же. НА–1/134. Л. 11–12; 1/136. Л.8; 1/152. Л. 3; 1/156. Л. 22.
- ⁶⁹ Там же. НА–1/142. Л. 7.
- ⁷⁰ Там же. НА–1/167. Л. 9а.
- ⁷¹ Там же. НА–1/173. Л. 7–8.
- ⁷² Там же. НА–1/198. Л. 30.
- ⁷³ Там же. НА–1/134. Л. 9; 1/142. Л. 11–12; 1/169. Л. 14; 1/252. Л.7.
- ⁷⁴ Там же. НА–1/127. Л. 35–40.
- ⁷⁵ Там же. НА–1/142. Л. 9.
- ⁷⁶ Там же. НА–1/155. Л. 60.
- ⁷⁷ Там же. НА–1/155. Л.35.
- ⁷⁸ Там же. НА–1/178. Л. 12.
- ⁷⁹ Там же. Инв. НА–188. Л. 31.
- ⁸⁰ Там же. НА–188. Л. 66–72.
- ⁸¹ Цит. по: *Шкаровский М.В.* Русская православная Церковь... С. 378, 382.
- ⁸² Архив СПМЗ. НА–1/235. Л. 20; 1/242. Л. 4, 21, 26.
- ⁸³ Там же. НА–1/248. Л. 16, 18, 22, 37, 40; 1/260. Л. 5–7.
- ⁸⁴ Там же. НА–1/242. Л. 12; 1/248. Л. 37; 1/254. Л. 14, 22.

Доклад прочитан на симпозиуме "Проблемы сохранения, изучения и популяризации культурного наследия Русской Православной Церкви" в ГИМ в 2006 г.

Доклад прочитан на Забелинских чтениях в ГИМ в 2014 г.

В печати

Сокращения

АЕ – Археографический ежегодник

ГИМ – Государственный исторический музей

Главизо – Главное управление учреждений искусства при Совете Министров СССР

ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина

ГРТ – Государственная Третьяковская галерея

ГЦХРМ – Государственные центральные художественные реставрационные мастерские

ДИ – Декоративное искусство СССР

ЗГИХМЗ – Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник

ЗМЗ – Загорский музей-заповедник

ДИ – Декоративное искусство СССР
ИИМК – Институт истории материальной культуры
МГУ – Московский государственный университет
МНХР – Музей народных художественных ремесел
МПВО – местная противовоздушная оборона
НИИХП – Научно-исследовательский институт художественной промышленности
НК – Народный комиссариат
НН – Наше наследие
НХТ – народное художественное творчество
ОК – отдел кадров
ОНХР – отдел народных художественных ремесел
ОНХТ – Отдел народного художественного творчества
ПКНО – Памятники культуры. Новые поступления
РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия
СА – Советская археология
СНК – Совет народных комиссаров
СПМЗ – Сергиево-Посадский музей-заповедник
СПИХМЗ – Сергиево-Посадский историко-художественный музей-заповедник
СХ – Союз художников
СЭ – Советская этнография
ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы
ФЗО – фабрично-заводское обучение
ЦГРМ – Центральные государственные реставрационные мастерские